

Опыт общения во сне с Богиней Любви оказался полезным. Я намного лучше понимал, что сплю. Это помогало мне проще воспринимать ту мешанину образов, что я видел в своих снах. Странные, абстрактные картины, переливающиеся в бесчисленные кадры чего-то, что обычный человек увидит только в том случае, если примет какую-то забористую дурь.

Покой и ужас. Два, казалось бы, несовместимых чувства, удивительно гармонично существовавших где-то в глубинах моей души. Воспоминания о том, что находится за гранью жизни...

Так вот, этот сон был нихрена не таким. По крайней мере, поначалу.

Если обычно мои сны были посвящены воспоминаниям про крайне специфический послесмертный трип, вызывающий, мягко скажем, вопросы, то теперь мне снилась моя прошлая жизнь ещё до смерти. Период времени, когда я общался с одной больной, про которую впоследствии удивительно быстро забыл, чего нельзя было сказать про неё.

Собака, мне снилась подруга детства!

Я не помнил, как её звали. Образ лица был смазанным. Зато помнил, что наши матери общались, а это автоматически значило, что общались и мы.

Воспоминаний перед глазами мелькало немало, но запомнились среди них всего несколько, самых знаменательных:

— Будешь мороженное?

Мороженное мне купила мама. Нам было примерно по семь-девять лет. Судя по декорациям сна-воспоминания, мы были где-то на площадке.

— ...

Смазанный образ девочки молчал. Она была нелюдимой и говорила крайне мало, что мне удавалось компенсировать чуть больше чем полностью: по моим примерам из жизни легко понять, что пообщаться я никогда не был против. Мне это даже нравилось, всегда можно найти историю, над которой можно поржать и поделиться какой-то своей историей.

Единственное, за что цеплялся мой взгляд — у неё были рыжие волосы. Волнистые, длинные. Красивые волосы, либо на шампуне не сэкономили, либо природа подняла палец вверх.

Всегда нравился темноватый оттенок оранжевого.

Наверное, именно поэтому у меня в фаворитах симпатия к рыжим лисодевочкам, но это уже детали личной жизни.

— Так, будешь или нет? — переспросил я, лизнув мороженку.

— ...

Рыжеволосая девочка совершенно точно смотрела мне в глаза, однако рассмотреть их не получалось.

— Ты какая-то странная... — немного неуверенно я откусил мороженку.

— ...

— Ну и ладно, — обиделся я, уже собираясь уходить. Дети — существа достаточно обидчивые, особенно если ты общительный ребёнок, которого игнорирует другой ребёнок. — Сам съем.

Наши матери поглядывали за нами, не давая добрым дядям завести в фургон, но по-настоящему не следили, разговаривая о своём, о женском.

— ...там собачка умерла.

Уже собираясь уходить, остановился.

— Да ладно?!

— ...

— Покажи!!!

...нет, ну правда ведь интересно, нормальная реакция для ребёнка...

Мы жили недалеко от лесопосадки. Такой, маленькой, скорее небольшой парк, чем настоящая лесопосадка, и всё же — деревьев вокруг было достаточно. За одним из таких деревьев, совсем недалеко от нашей площадки, действительно лежал труп собаки.

Её внешний вид заставил испугаться даже мои детские мозги: труп явно домашней собаки был одновременно свежим и при этом выглядел так, будто пролежал там уже тысячи лет.

Высушенный, обтянутый, с застывшим выражением ужаса на морде, — я никогда не видел ничего подобного после этого. Разве что, какой-то кривой фотошоп или в виде графики, но живую — никогда.

— Офигеть...

— Правда красивая?

Смазанная фигура рыжеволосой девочки улыбнулась.

Я странно покосился на неё.

Уже тогда я начал подозревать, что она напрочь поехавшая.

Естественно, от совместных прогулок это меня не спасало. Мы продолжали вместе гулять и общаться, и это не изменилось даже тогда, когда наши родители дружно решили, что гулять мы можем уже и сами. Тот случай мной забылся быстро, родителям я ничего так и не рассказал, почему-то посчитав, что за осмотр мёртвой собаки меня могли и наказать.

Если я рос общительным парнем, который собирал вокруг себя целую площадку зевак разного возраста и устраивал масштабные салочки или драки (но это было уже немного позже), то моя подруга всегда была одна.

Она не спешила с кем-то заводить отношения. Единственный человек, с которым она кое-как общалась, был я, и то — говорил, опять же, по большей части только я.

Подругу к общему коллективу я приобщить пытался. Звал вместе гулять, знакомил с разными ребятами, но продолжать общение (или начинать) она не спешила, как и к ней люди особо не тянулись. Скорее уж, рыжеволосую подругу избегали, чувствуя вокруг неё какую-то странную

атмосферу.

Я, будучи не самым умным представителем рода хомо, тоже чувствовал, однако был к этому более привычным, поэтому игнорировал.

Следующий достаточно яркий образ был лет в одиннадцать. Тогда мы возвращались с прогулки, на улице уже начинало темнеть.

— Красивая... — пробормотала девочка.

Увы, комплимент она сделала не цветочку или поднимавшемуся в небо небесному телу, а умирающей кошке.

Животное было ранено.

— Можем отвести её к ветеринару, — почесал я голову.

Тогда я сомневался. Получить нагоняй от родителей за поздний приход не хотелось.

— Мы не поможем, она умрёт.

— Какая-то ты слишком пессимистичная, — пнул я ближайший камешек, начав снимать ветровку, чтобы подобрать животное. — Ладно, давай, я сейчас...

— Смотри, Кирилл.

Психопатка улыбалась редко, но когда улыбалась — где-то кто-то умирал или собирался умереть. Наблюдая за своими воспоминаниями со стороны, теперь я мог сказать это точно. Далеко не всегда удавалось понять, почему она на ровном месте могла стать поразительно довольной, и вот — ответ был найден.

Охереть, умеет моя мама мне подружек находить.

Сон же продолжался.

Улыбнувшись, рыжеволосая подруга начала гладить животное. То издало какой-то странный звук, после чего испустило последний вздох, обмякнув. Мне казалось, будто во взгляде кошки читался ужас.

— С-собака... — отшатнулся я. Теперь понятно, откуда оно ко мне пристало — собак я любил, чего нельзя сказать про мои глубинные ассоциации. — О-отойди от неё, вдруг ещё подцепишь гадость каку...

— Всё хорошо, — перебила подруга, повернув ко мне голову. — Спасибо, что беспокоишься обо мне. Мне... приятно твоё тепло.

В своём поразительно низком IQ я убедился года через три-четыре, не заметив звоночек размером с боевой вертолёт, когда нам было где-то по четырнадцать.

Тут стоит уточнить, что мы виделись далеко не каждый день и многие не самые адекватные поступки психопатки я либо просто забывал, либо игнорировал. В принципе, плохим человеком она никогда не казалась: животных не резала, и слова плохого от неё не слышал (в принципе мало слышал, будем честными), всегда была в общении со мной удивительно покладистой и спокойной. В каком-то смысле, мне нравилось, что у меня был знакомый человек, которому я

мог спокойно выговориться.

Ну а то, что она очень хорошо вписывалась в мои вкусы, ситуацию подогревало. Конечно, проявилось это уже больше к означенному возрасту.

Не уверен, то ли у психопатки пошёл период полового созревания, ударив по психике, как и у любой нормальной девчонки её возраста, то ли...

А, в общем-то, что в голове происходило у непонятного Нечто мне особо думать и не хотелось.

В один из вечеров подруга решила со мной неожиданно пооткровенничать:

— Хочу вернуться, Кирилл.

— Домой, что ли? — удивился я, подняв взгляд на небо. — Рань же ещё.

— Не в этот дом.

— А какой? — непонимающе на неё уставился я.

Она была мне симпатична. Не буду лукавить, не из-за характера, а исключительно по внешнему признаку. Образ её волос был удивительно чётким. На фоне их всё остальное для меня было уже не настолько важно. Её глаза тоже меня привлекали, но уже не так сильно. Я не мог вспомнить, какие они.

Ну, либо мне не давали.

Да и вообще, много ли нужно четырнадцатилетнему подростку?

Подруга мне неожиданно тепло улыbnулась.

— Вызывающий чувство покоя и уюта. Он далеко. Но скоро станет близко. Хочешь со мной?

Как понять, что подросток тупой? Ему говорят какую-то совсем уж откровенно стрёмную дичь, а он воспринимает её, как нечто нормальное. Это, в принципе, естественно для всех людей — не только для подростков.

Просто, у подростков синдром ещё и усугублен.

Обидно признавать себя умственно отсталым. Другое дело, что будет, если не признавать. Тут уже и клиника не поможет.

Это я себя так утешаю.

— Можно, — скрыл я то, что немного смутился. Для меня это был намёк, который, в принципе, я понял правильно, но немного не учёл... масштабы, да. — Хочешь вместе в кафешку завтра сходить?..

— Жизнь — это прекрасно, да?

— ... — я, мягко скажем, немного охренел. — Да?..

— Ты так любишь своё существование. Почему? — подобралась она ко мне поближе.

— ...то есть, в кафешку мы не пойдём?..

— Ответь.

Она впервые была настолько настойчивой и общительной.

— Откуда мне знать? — пожал плечами. — Много причин можно придумать. Глупый вопрос. Эмоции, наверное. Последний раз спрашиваю: пойдёшь или нет?

Она согласилась.

И всё, вроде бы, было не так чтобы плохо: гуляли, я осмелел в какой-то момент до поцелуев, из-за чего ходил ещё более довольным, даже сама подруга улыбаться чаще начала, что, насколько могу понять сейчас, наблюдая со стороны, знаком было охренеть каким плохим, а потом, в один из дней...

Меня решили кинуть на метафизический прогиб.

— Хотел бы ты умереть со мной?

— Не понял, — нахмурился я. — Чего-чего?..

— Умереть. Со мной. Вдвоём. Только ты и я. Я хочу побыстрее умереть. Ты бы хотел это сделать со мной, Кирилл?

Я, млять, естественно не хотел, пошла она нахер с такими предложениями жизнерадостному подростку.

Мы поссорились. Точнее, поссорился я, она вновь больше слушала, давая мне выговориться. Тема, которую подняла тогда моя первая девушка, оказалась для меня достаточно пугающей, чтобы мой страх перешёл в агрессию. И если сначала с моей стороны ещё были попытки образумить её и перевести всё в шутку, то потом я завёлся по-настоящему.

Всё закончилось странно: в какой-то момент психопатка просто спонтанно ткнула меня в грудь, куда-то в район сердца, встала и, оглянувшись, куда-то пошла.

У меня тогда задницу чуть в стратосферу не отправило.

— Куда ты идёшь?!

Чисто концептуальная подруга детства не остановилась, а я не стал её догонять, остановившись из-за слабого укола в сердце. Это был последний раз, когда мы виделись. Всё удивительно совпало с тем, что наши матери уже не общались, а их семья, словно назло, куда-то неожиданно переехала. Про телефон и говорить нечего. Человека будто не стало. И если первые пару месяцев вопрос меня действительно интересовал, то потом...

Ну, я забил. Нервы ещё тратить на психопатку мутную, что ли?..

Последний кадр был не сном и не воспоминанием. Моё тело на миг вновь оказалось в бесконечной пустоте, окутав меня чувством покоя и какой-то подсознательной настороженности, словно передо мной в любой момент мог вылететь скример.

Я стал сильнее, — это мысль была очень чёткой, ибо абстрактные образы стали немного понятнее.

Многомерность уже не настолько смущала. Нужно было всего лишь посмотреть с нескольких точек зрения и не пытаться воспринимать всё человеческим восприятием. Прислушаться к переливающейся энергии, отметить постоянно меняющийся оттенок обращенной энергии в пустоту, уловить абстрактные образы странных воронок где-то далеко, которые находились при этом близко; ощутить, что Пустота — это не просто конец всего сущего, а отдельный пласт нереальности со своими законами и теми, кто эти законы принял. Теми, кто ими наслаждался и хотел, чтобы и остальные поняли, насколько этот покой прекрасен и чудесен. Их было много, какие-то казались статичными вселенными, существовавшими прямо передо мной и одновременно в другой прослойке из ничего, какие-то были посильнее, а какие-то...

Такие, каким был я. Слабые, немощные души, которые стали жертвами и сейчас медленно обращались в подобных гигантам существ.

Мешанина образов начала приобретать логику и для меня.

Разница в том, что эти статичные души, даже когда полностью станут частью этого места, волей обладать не будут.

Я наблюдал.

Сначала их сущность приобретет оттенок, перестроится, примет в себя Пустоту, и они обратятся навсегда, превратившись в Носителей. Тех, чьи души отмыть будет уже практически невозможно.

Следующий этап — окончательная трансформация. Успокаивающая прохлада пронзит каждую клеточку их сущности. Но они не станут новыми воронками, а обычными... Нет, не слугами — у тех хотя бы воля есть. Безвольные, следующие исключительно базовым желаниям, находящиеся под непосредственным контролем воронок...

Рабы Пустоты?

В голове немного прояснилось.

Класс: Раб Пустоты

Захотелось заржать.

Я уже думал посвятить последние минуты начавшего рассыпаться сна небольшой осмысленной экскурсии, как у меня в груди укололо сердце. Столь сильно, что от болевого шока меня чуть не отключило, хотя казалось бы — куда отключаться во сне?..

— Нашла.

Честно говоря, почувствовал себя девочкой-волшебницей, которая вступила в неравную схватку с монстром, у которого были щупальца.

Такого вопля от меня и родная мать не слышала.

Сон разрушился.

Я проснулся.

Эта мысль уже не казалась настолько ужасной. Наоборот — я вздохнул с облегчением.

Как студент, который выучил всего один билет и умудрился наткнуться именно на него. Как голодный работяга, которому задерживали зарплату два месяца и он, уже думая пойти брать в долг, получил заветное оповещение о зачислении. Как молодая мать, которая вспомнила про наличие свекрови и на время умудрилась скинуть свои заботы на добрую бабушку...

Как много сравнений можно было придумать.

Прикрыл глаза, сделав ещё несколько глубоких вдохов и выдохов. Сам не заметил, как запустил все процессы в организме, сделав тело условно-живым, давая самому себе чуть лучше осознать, что в том месте меня больше нет.

И Оно до меня пока что не доберётся.

Пока что.

— Кир-сан, вы п-проснулись?

Я лежал на кровати во всё той же гостинице, куда мы заселились в Фире. Очевидно, Айра моё бессознательное тело вернула в более безопасное место.

Лежал не один. Ко мне притулилась Рин, её рыжий хвост мелькал перед глазами, против воли поднимая настроение и успокаивая душу. Сам не заметил, как схватился за него. Девушка не стала этому противиться, её дыхание стало чуть более прерывистым, сердце забилось быстрее. Подаренная сила Богини шептала, что я не делал ничего неправильного.

Я позволил окунуться себе в десятки ощущений, удивляясь тому, как раньше их не замечал.

Даже биение собственного сердца казалось мне приятным. Хотя, казалось бы, сколько я с тем сердцем намучался?..

— Проснулся? — пробормотал я, проморгавшись. — Я близок к этому.

В голове мелькал совсем другой смысл, вложенный в это слово.

— Айра-сан меня очень напугала... — прошептала мне на ухо девушка. — Она сказала, что на секунду ваше тело было полностью уничтожено, а потом...

— Оно восстановилось из ничего, — закончил я за девушку.

Обычными методами меня нельзя было убить. И необычными, скорее всего, тоже проблематично: я был связан с Пустотой и питался от неё. Был проводником и одним из её бесчисленных воплощений.

Пока совсем незначительным, но уже неразрывно связанным с ней.

Много непонятных моментов мой сон помог прояснить и буквально разжевать на уровне глубинных ощущений.

Меня проще вернуть в Пустоту, чем убить. И то — на примере данного мира, это уже не работает. Он уже считал меня здесь прописанным, в чём мне неслабо подсобила местная

Верховная Богиня. Или Богини — тут как знать. Через ритуал призыва Героев я прошёл что-то вроде крещения, став частью местной прослойки странной реальности кошко-лисо-и-каких-ещё-только-бог-знает-девочек.

В голове мелькало десятки мыслей.

Почему Богиня позволила мне прорваться?

Как я смог сбежать?

Сбегал ли конкретно я, или меня оттуда вытащили?

Слишком много вопросов и белых пятен во всей этой истории.

— Кир-сан, простите, что не смогла вам помочь...

Рин плотнее прижалась ко мне, видя, насколько серьёзной моя злобная рожа стала. Девушка удивительно нежно обняла меня и прижалась грудью. Только сейчас понял, что на мне самом из одежды только одеяло, когда лисодевочка была в одной ночнушке.

Неопределённо хмыкнул.

— Ты слишком стараешься.

Девушка смущённо улыбнулась, её хвостик вырвался из моей руки, начав заинтересованно мельтешить туда-сюда.

— Вам не нужна сила, но нужно кое-что иное. Я могу вам это дать, Кир-сан. Вы против?

Ничего не говоря, повернулся, схватив пискнувшую девушку за талию. Сам не заметил, как начал откровенно распускать руки, чувствуя, как во мне начало просыпаться желание и нескрываемое удовольствие от происходящего. Я внимательно следил за реакцией лисицы, ожидая нежелания и сопротивления, но его не было — ни внешнего, ни внутреннего. Она сама начала, пусть робко, тянуться ко мне.

Возможно, я для неё стал тем самым сказочным героем (только не японцем), который спас её от неминуемой гибели. Возможно, причина была в моём нежелании жить, а может быть это и комплексная причина, но...

Не могу сказать, что я сожалел об этом.

Класс: Раб Пустоты

Уровень: 38

Раб Пустоты?

Ночнушки на Рин уже вскоре не было.

Хер моей рыжей пустотной поработительнице, а не раб.

Размером с её жирную многомерную тушу.

Кажется, мне срочно нужно было предметно пообщаться с местной Верховной Богиней.

<http://tl.rulate.ru/book/88501/2868730>